

ЗВЕРИ ВОИТЕЛИ

УЗЫ КРОВИ

ГАРТ НИКС
ШОН ВИЛЬЯМС

Издательство АСТ
Москва

*Всем лохматым, пернатым,
панцирным и чешуйчатым
друзьям, сделавшим мою
жизнь богаче.*

Гарт Никс

*Вожасу и Попрыгунчику,
лягушатам, пришедшим
в гости к их хозяйке Амелии
и ее брату-близнецу
Орландо.*

Шон Вильямс

ВЕЛИКИЙ БАМБУКОВЫЙ ЛАБИРИНТ

Бамбуковые заросли были настолько выше Мейлин, что заслоняли солнце и погружали перепутье двух тропинок в густую тень. Мейлин остановилась и внимательно посмотрела на очередной перекресток дорог Великого бамбукового лабиринта. Пора снова выбирать дорогу.

Она не желала признаваться даже самой себе, что на каком-то похожем перекрестке в нескольких милях отсюда выбрала неверную дорогу и теперь окончательно заблудилась.

А ведь дойти до Цонга через этот лабиринт казалось ей поначалу отличной идеей. Бамбуковый лес специально вырастили как защитное укрепление в тех местах, где построить Стену оказывалось невозможным. Только тем гонцам, что пользовались особым доверием, и самым важным чиновникам были известны тайные тропы, проложенные через многие мили густых бамбуковых зарослей пятидесяти футов в высоту. Генерал Тенг, знавший, разумеется, все тайные маршруты, не раз объяснял Мейлин, как пройти Лабиринт, войдя в него через Северный проход.

— Проходя десять первых перекрестков, всегда поворачивай налево, — шепотом повторяла Мейлин, обращаясь к себе. — Следующие десять поворотов только направо. А затем: налево, направо, налево, налево, налево, налево, направо, направо, направо.

Но ведь она строго следовала этим указаниям, так почему же не попала на другую сторону Лабиринта? Хуже того, она рассчитывала преодолеть весь Лабиринт за один день, а потому взяла с собой лишь одну кожаную флягу, которую у входа в чащу наполнила родниковой водой, и два рисовых пирожка.

Но наступило утро третьего дня: во фляге не осталось ни капли воды, а рисовые

пирожки превратились в смутное воспоминание. После недельного перехода через Эвру сначала на лодке, а потом с караваном, который часто останавливался и оставлял что-то в пыльных ящиках, спрятанных в кишасящих крысами тайниках, Мейлин чувствовала себя удрученной и подавленной. Кроме мыслей о собственной неудаче ее мучили голод и жажда. Только теплящаяся в душе надежда на то, что отец все еще жив и ей, возможно, удастся его разыскать, спасала девочку от отчаяния.

Мейлин со злостью стукнула дубинкой по стволу ближайшего бамбука. Удар получился таким сильным, что ствол переломился и, отлетев, затерялся в бамбуковой чаще. Вокруг — одни только высоченные стволы, узкая тропа и солнце высоко над головой.

Впервые Мейлин поняла, что может попросту умереть в Лабиринте. Дочь генерала Тенга умерла от жажды в бамбуковой чаще! Уму непостижимо!

Грустные размышления Мейлин прервал зуд в предплечье. Закатав рукав, она посмотрела на татуировку спящей панды. Пробираясь по Великому бамбуковому лабиринту, она подавляла Джи, свой дух животного, опасаясь, что панда ее задержит. Теперь эти опасения потеряли всякий смысл.

— Ну, давай, просыпайся! — приказала Мейлин. — Вылезай и сделай хоть что-то полезное. Может, проешь для меня проход в бамбуковых зарослях!

Тут ярко вспыхнул свет, и возникшая Джи лохматым боком прижала Мейлин к стволу бамбука, отчего тот пошатнулся.

— Эй, осторожней! — пробурчала Мейлин.

Она почувствовала, как что-то коснулось ее лица, и отмахнулась, решив, что это насекомое. И только когда потревожившее ее нечто оказалось на ладони, Мейлин поняла, что это. Подняв голову, она увидела нежные и изящные белые цветочки, которые, словно снежинки, падали с верхних веток бамбука.

Бамбуковые цветы.

Мейлин никогда раньше их не видела. Она знала, что это растение цветет один раз в пятьдесят, шестьдесят, а то и в сто лет, после чего умирает. Умирает весь бамбук одновременно.

— Лабиринт умирает, — прошептала она, глядя на верхушки бамбуковых деревьев. Они, насколько хватало глаз, были усыпаны цветами. Но спустя неделю или две заросли начнут засыхать, трескаться, ломаться и падать. А перед этим всю землю в лесу покроет ковер цветов, на которые, как на пир один

раз в столетие, сбегутся орды крыс и других животных.

Гибель Лабиринта оставит незащищенной еще бóльшую часть Цонга. Проникая через Стену, захватчики и так разоряли несчастную страну, а теперь она потеряет свою последнюю, природную защиту. Очень возможно, что и к цветению был каким-то образом причастен Пожиратель.

Джи тяжело села и протянула Мейлин когтистую лапу, пытаясь усадить рядом.

— Нельзя мне сидеть! — возразила Мейлин. — Нужно найти дорогу!

Она отвела в сторону лапу панды и сделала несколько шагов по тропе слева. Затем в нерешительности остановилась и прошла несколько шагов по тропке справа. Джи, наблюдая за ней, издала какой-то сдавленный звук.

— Ты что, смеешься? — строго спросила Мейлин. — Дело серьезное! Я заблудилась, а у меня нет ни воды, ни еды. Я же могу здесь умереть!

Джи постучала лапой по земле. Этот почти человеческий жест напомнил Мейлин об отце. Он делал так, когда приглашал ее сесть рядом и делился мудростью. Она отдала бы все на свете — лишь бы снова его увидеть.

— Мне некогда расслаживаться! — скрипнув зубами, сказала девочка. — Вставай!

А ведь сейчас, в сущности, безразлично, по какой тропе идти, подумала Мейлин. Похоже, она окончательно сбилась с дороги, а теперь главное во что бы то ни стало выбраться из Лабиринта и не умереть от голода и жажды.

Мейлин размашистым шагом пошла вперед, уверенная в том, что тропка выведет ее из бамбуковой чащи к долине Цонга.

Джи, ковылявшая позади, снова что-то пробурчала, но Мейлин не обратила на нее внимания. Опять ее дух животного оказался бесполезным. Вот если бы у нее была Эссикс! Ястребу стоило лишь взлететь — и он сразу нашел бы дорогу.

— Видно, напрасно я надеялась, что от панды в бамбуковом лесу будет толк! — пробормотала Мейлин.

Пройдя еще с полсотни ярдов, она снова оказалась на перекрестке. Тропинки убегали налево, направо и прямо. Все три одинаково длинные и узкие, они змеились между гигантскими стволами бамбука.

Остановившись, Мейлин оглянулась. Джи следовала за ней медленно, но упрямо и настойчиво. Девочка заметила, что панда ломает бамбуковые стволы, с легкостью хватаясь

за верхушки и пригибая их к земле. Деревья по обеим сторонам тропинки падали почти за спиной у девушки, снова и снова осыпая ее цветами. Джи, не останавливаясь, неторопливо принялась за еду, поднося к пасти зажатые в когтистых лапах охапки веток с цветами и листьями.

При виде этого Мейлин снова ощутила голод и сильную боль внутри, на которую трудно было не обращать внимания. Надо было бы смочить рот, но не было ни капли воды. На второй день она попробовала на вкус побеги бамбука, но от них свело желудок, а чувство голода лишь усилилось. Они были слишком сухими, среди них не было мягких молодых побегов, которые легко перевариваются.

— Ну, должен же быть отсюда выход, — шептала Мейлин, отчаянным взглядом осматривая тропинки, которые выглядели совершенно одинаково. В последний раз она шла вправо. Сейчас, подумала Мейлин, стоит пойти влево. А на следующем перекрестке повернуть направо, и так далее. Попробовать пойти зигзагами. Может, это сработает. Идя таким образом, она куда-то да выйдет.

— Пойдем, — скомандовала она Джи.

На этот раз Мейлин не бежала — сил на это у нее уже не было. Но она шагала

быстро, не замечая голодные боли и режущую сухость в горле, жару и влажность.

— Я найду выход отсюда, — шептала она. — Я выйду в Цонг. Я скрещу оружие и с Пожирателем, и с нашими врагами.

Но в ее голове все громче звучал слабый, безнадёжный и еле слышный голосок, постоянно повторяющий мучившую ее мысль.

Я умру. Я заблудилась и умру.

ПОСЛАНИЕ С МОРЯ

Конор, сгорбившись, сидел в форпике* корабля «Гордость Теллуна», самого быстроходного судна во флотилии Зеленых Мантий. На него ежеминутно обрушивались тучи брызг, когда корабль носом разрезал накатывающие на него волны. Но сейчас Конора, по крайней мере, утешало одно — это бедствие он мог переносить в одиночестве. Ощущать себя промокшим до нитки — едва

---

* Форпик — помещение в носовой части судна между форштевнем и первой («таранной») переборкой, крайний носовой отсек судна. Обычно служит для размещения грузов или водяного балласта. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

ли это наказание за то, что он сделал. Отдать врагу талисман, Железного кабана Рамфусса... пускай сейчас он и понимает, что выбора у него не было — ведь то было необходимо для спасения его семьи... Конор чувствовал и безнадежность своего положения, и стыд, и угрызения совести.

Уже не в первый раз он размышлял над тем, нет ли во всем этом какой-то грандиозной, космической ошибки. Ведь он считал себя пастухом и больше никем. Он не должен был быть подданным Зеленых Мантий, и ни один из Великих зверей не должен быть его духом зверя. Конечно, он мог бы стать героем, но Эрдасу необходимы были настоящие герои для того, чтобы заполнить талисманы Великих зверей и победить Пожирателя.

Острые зубы осторожно коснулись его затылка: это был Бригган. Вцепившись в воротник, он вытащил Конора из его тайного убежища, как своего заблудившегося щенка.

— Да иду я, иду, — со вздохом произнес Конор.

Волк отпустил его и пошел по палубе.

— В чем дело?

Бригган обернулся и, стуча когтями по дощатому настилу, пошел к лестнице, ведущей с полубака на верхнюю палубу. Дойдя до верхней площадки лестницы, волк обернулся

и впился в Конора пронизывающим взглядом голубых глаз.

У него за спиной Конон увидел Тарика, Роллана и Абеке — они стояли возле готмачты лицом друг к другу, образовав полукруг, в котором было два пустых места. Одно из них предназначалось ему, Конону, и он понял, что Бригган за тем и пришел, чтобы привести его сюда. Второе пустое место было местом Мейлин. Мейлин, которая никогда не пошла бы в одиночку в Цонг, не уступи Конон графу Трансвикскому и не загуби он всё...

Несколько мгновений он молча смотрел на своих спутников. Тарик считался уже настоящим героем, их наставником и вожак, опытным и много повидавшим жителем Замка Зеленых Мантий. Стоявший рядом с ним Роллан, беспризорник, с улыбкой, словно намертво приклеенной к лицу, был из тех, кто не лезет за словом в карман. По нему было видно, что он относится к Тарику без должного уважения, но вот к Абеке... Она была серьезной, привыкшей делать все как положено, но при этом лучше остальных относилась к Конону, который провалил все дело. Возможно, в этом ей помогала выдержка бывалого охотника, которому не раз приходилось выслеживать

дичь. Абеке проявляла терпение и в отношениях с людьми, и в отношениях с животными.

— О, Конор! Подходи и присоединяйся к нам! — обратился к нему Тарик. — Мы хотим попробовать забраться на мачту, используя талисман Аракса. Ты можешь быть первым.

— По-моему, первой должна быть Абеке, — возразил Роллан, глядя на Конора с плохо скрываемым презрением.

Конор поморщился. Когда-то он считал Роллана другом, но теперь нет. Еще до того, как Мейлин ушла...

— Да, я тоже так считаю, — поддержал его Конор. — К тому же она и прыгает намного лучше меня.

— Для этого мы и тренируемся, — спокойным голосом пояснил Тарик. — Тебе потребуется все твое умение, когда мы отправимся за следующим талисманом.

— А что представляет собой следующий талисман? — спросила Абеке. — Нам ведь не известно, где он находится.

— А даже если мы его и достанем, — подал голос Роллан, — Конор наверняка так или иначе передаст его захватчикам!

— Хватит об этом! — прикрикнул Тарик. — Я уверен, что, когда мы вернемся

в Замок, нас будут ждать новости о другом Великом звере. Наверняка Ленори найдет еще одного.

— Да, я очень виноват, — сказал Конор; его ужасно злило, что Роллан избегает смотреть ему в глаза. — Но вы же знаете, что... это ведь моя семья!..

— У всех есть семья, — пробурчал Роллан. — Лично меня почти радует, что моя бросила меня так рано.

— Да, мы люди, и мы любим, и в этом наша сила, — сказала Абеке, — но в этом и наша слабость. Когда на карту поставлены жизни близких, трудно судить, что правильно, а что нет.

Такое признание, казалось, удивило Роллана не меньше, чем Конора.

— Считаешь, что он совсем не виноват?

— Я говорю лишь о том, что его можно понять. — Абеке пристально посмотрела на обоих. — Все жизни находятся в опасности, пока захватчики не разбиты. И все семьи, в том числе моя собственная.

Это был упрек — упрек, который, как чувствовал Конор, он заслужил. Закусив губу, он потянулся к Бриггану, желая почувствовать успокоение, исходившее от покрытого густой шерстью волчьего загривка. Но пальцы ощутили лишь пустоту: Бригган успел отойти

в сторону. Возможно, он сделал это потому, что на корабль налетела другая, более мощная волна, однако внутреннее чутье подсказало Конору, что его дух животного просто не хочет быть рядом.

— Абеке права, — сказал Тарик. Он говорил, как всегда, спокойно, но было видно, что слова даются ему с трудом. — Поэтому наши тренировки так важны. Вот талисман. Проверим, как быстро вы доберетесь до марсовой площадки на грот-мачте.

— С помощью Уразы? — спросила Абеке.

Леопард Ураза был еще в спячке, и татуировка с изображением животного виднелась у Абеке на предплечье. Ураза не переносила морских путешествий.

Тарик отрицательно покачал головой.

— Не сейчас. Посмотрим, как ты сама прыгнешь с талисманом.

Абеке согласно кивнула. Конор поднял глаза, волнуясь за нее. Марсовая площадка представляла собой маленькую платформу, расположенную всего на десять футов ниже вершины восьмидесятифутовой грот-мачты. Забраться на нее можно было по узкой веревочной лестнице, конец которой мотался по палубе. До этого они тренировались прямо с палубы допрыгивать до первой перекладки мачты, которая находилась на высоте в тридцать футов над